

УДК 391/395

Р.И. Сефербеков

Боги-патроны ремесел у народов Дагестана¹

Дагестанский государственный университет; ruslan-seferbekov@rambler.ru

В статье описываются божества – покровители ремесел народов Дагестана.

Ключевые слова: *хозяйственные занятия, ремесла и промыслы, божества, демоны, народы Дагестана.*

The article describes the images of deities associated with the craft of the peoples of Dagestan.

Keywords: *economic activities, arts and crafts, deities, demons, peoples of Dagestan.*

Непосредственными предпосылками разложения первобытного общества и становления эпохи классового образования были подъем производящего хозяйства, возникновение металлургии и других видов ремесленной деятельности (гончарство, ткачество и др.), интенсификация обмена, рост регулярного избыточного продукта. Производственные достижения этой эпохи способствовали возникновению ремесел, в первую очередь связанных с обработкой металла – меди, бронзы и железа. Становление кузнечества и других видов ремесленной деятельности было тесно связано со вторым крупным общественным разделением труда – отделением ремесла от земледелия [1, с. 236–243].

Эти процессы получили отражение в адекватных им формах религиозных представлений и культов. Наиболее ранним из них был культ кузнечного дела, получивший на Кавказе особенно большое распространение. Как известно, кузнечное ремесло возникло в те далекие времена, когда у человека появилась необходимость в изготовлении орудий труда и оружия из металла. Появились особые люди, профессионально занимающиеся этим видом деятельности, то есть кузнецы.

Их значение возрастает с появлением и включением в обработку более прочного, чем медь и бронза, металла – железа. По данным В.Р. Эрлиха, традиция получения стали различными способами распространилась на Иран, Закавказье и Центральный Кавказ в X–VIII вв. до н. э., что можно связать с влиянием древневосточных цивилизаций. Северный Кавказ, где древнейшие железные находки датируются первой половиной VIII в. до н. э., демонстрирует сосуществование двух традиций обработки черного металла – как закавказской (древневосточной), так и восточноевропейской [2, с. 337].

В силу того что дагестанцы подверглись исламизации, у них почти не сохранилось мифов о первых кузнецах и богах-патронах кузнечного дела. Все же у одного из народов Дагестана – табасаранцев – сохранились мифы о первых кузнецах и богах-патронах кузнечного дела. По словам Гусейнова Амирчубана из селения Хив, покровителем кузнечного дела был ангел («малаик») «Гьяфис» (Гефест?). Он – первооснователь кузнечного дела у табасаранцев. К нему обращались с молитвой, начиная работу в кузне, и особенно при закаливании железа: «Я, Гьяфис, кьуват тув, кумек апИин!» («О, «Гьяфис», придай силу, помоги!»). Здесь имя патрона кузнечного дела у табасаранцев дошло до нас в исламизированном виде – ангел «Гьяфис». По звучанию оно весьма близко

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта «Создание учебно-научного центра по подготовке специалистов в области археологии и этнографии (антропологии) «Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО Дагестанский государственный университет».

Гефесту – богу огня и кузнечного дела в греческой мифологии [3, с. 299–300]. Не исключено и заимствование в результате миграции мифологических сюжетов.

Махмудов Юсуф из селения Джули поведал нам, что первым кузнецом у табасаранцев был «*Давуд-пейгъамбар*» (пророк *Давуд*). Он накалял докрасна железо под мышкой и обрабатывал его кулаком на коленях. Однажды *Давуд* так сильно обжегся о железо, что с его руки слезла кожа. В гневе он пожелал, чтобы и с железа слезла такая же «кожа». С тех пор окалину считают кожей пророка *Давуда*. Так как *Давуд* уже не мог ковать железо прежними методами, он придумал клещи, прототипом которых послужили скрещенные лапы собаки.

Довольно близок по содержанию и смыслу аналогичный миф у абхазов, у которых «*Шаша* или *Шаш* был первым кузнецом. Раскаленное железо он ковал не щипцами, а руками, и ковал не на наковальне, а на своих коленях. Он – изобретатель не одного только кузнечного дела, но и изобретатель-покровитель 363 других ремесел. Он чрезвычайно могуществен и горяч. Сама кузница, со всеми ее принадлежностями, есть образ *Шаша*» [4, с. 53]. Этот миф абхазов приводят и другие авторы, но имя первого кузнеца, по их данным, другое. Так, Е.М. Шиллинг приводит следующую версию этого мифа: «В старину, когда жили богатыри «нарты», был кузнец *Айнар*. Колени служили ему наковальней, а руки молотом и щипцами. На коленях он ковал оружие и разные железные вещи. От него у абхазов будто бы и пошло кузнечное ремесло» [5, с. 64]. Он почти полностью совпадает с вариантом мифа, записанным Н.С. Джанашиа: «В старину, когда люди-богатыри вели борьбу с дивами, а особенно в славное время нартов, жил кузнец по имени «*Айнар-ижъий*». Ему стальные его колени служили наковальнею, правый кулак – чугунным молотом, а левая рука – щипцами. Он делал исключительно медные изделия» [6, с. 75].

При описании мифического образа табасаранского первого кузнеца *Давуда* нельзя исключать влияния мусульманской мифологии, в которой пророк *Давуд* является покровителем металлургии и металлических инструментов [7, с. 354]. Вероятно, под исламскими именами «*Гьяфис*» и *Давуд* в прошлом фигурировали местные языческие божества, утратившие со временем свои исконные названия. Как писал В.Н. Басилов, «мусульманские святые сохранили не столько функции, сколько мифологическую характеристику древних божеств...» [8, с. 24–25].

Следует отметить, что боги-патроны кузнечного дела и первые кузнецы сохранились и в мифологиях других народов Северного Кавказа и мира. Так, у адыгов (кабардинцы, черкесы, абадзехи и др.) *Тлебш* [9, с. 24, прим. 2] (*Тлетш* [10, с. 290]; *Тлатш* [11, с. 89]) был богом железа и оружия, богом-кузнецом, покровителем кузнецов. У абхазов им был уже упоминавшийся *Шаша* [12, с. 54–55] (*Шасшу* [13, с. 66–70]; *Шашвы* [14, с. 233–266]; *Шъашвы* [15, с. 363]). У осетин «*Куырдалэгон*» был мифическим небесным кузнецом. Его считали изобретателем сельскохозяйственных орудий [16, с. 58]. Почитали кузню и кузнецов и грузины Кахетии [17, с. 30–31].

Другим древним ремеслом дагестанцев было гончарство. Его возникновение связывают с прочной оседлостью древних дагестанских племен, их переходом к производящему земледельческо-скотоводческому хозяйству [18, с. 30]. Как и в случае с кузнечеством, видимо, из-за влияния ислама у народов Дагестана не сохранилось четко идентифицируемых образов богов-патронов гончарства. О наличии их в прошлом у дагестанцев мы можем судить исходя из характеристик (внешний облик и атрибуты) некоторых мифологических персонажей, вобравших в себя, на наш взгляд, образ божества гончарного ремесла. Таким мифологическим персонажем является домовый. Домовой у табасаранцев назывался *Рух*. В соответствии с верованиями табасаранцев, у него не было левой ноздри. Благодаря этому обстоятельству, человек, на которого наваливался

домовой и душил его, мог дышать левой ноздрей. Иногда, прежде чем навалиться на человека и душить его, *Рух* приделывал к своему лицу вторую ноздрю из глины, и тогда человеку нечем было дышать, и он начинал задыхаться. Если человек не сдавался, прилагал усилия и начинал дышать, то глиняная ноздря у домового отпадала, и он уходил [19, с. 18].

Также не имел одной ноздри домовый «*ХъегIело*» у хунзахцев. В соответствии с мифологическими представлениями жителей с. Харахи и других хунзахцев [20, с. 112], тело у домового состоит из обожженной глины. «*ХъегIело*» обладал волшебным предметом – шапкой-невидимкой из обожженной глины («щагIил тагъур»), которую он, прежде чем навалиться на человека, клал рядом с собой на пол. Для того чтобы избавиться от ночных визитов слишком назойливого домового, его били, бросали ему вдогонку тяжелые предметы, стреляли в него из ружья. В темноте раздавался звук разбиваемой глиняной посуды. Осветив комнату, на полу обнаруживали глиняные черепки («щегI») и шкуру («къехI») [21, с. 99–105]. Аналогичные характеристики и ипостаси имел домовый «*Рехъе*» у ахвахцев. Считалось, что он мог принять любой облик. Говорят, что иногда домовый появлялся в образе женщины, а мог принять форму глиняного кувшина («щегIильльги азо»): «Если сумеешь ударить «*Рехъе*», то слышен звук как от удара о глиняный кувшин» [22, с. 143].

Характеризуя мифологему разбиваемого сосуда, Е.В. Антонова писала: «Характерно, что сосуды заменяют живые существа» [23, с. 121]. Следует отметить, что сосуды являлись универсальным символом женского начала и символизировали утробу *Великой Матери*, убежище, защиту, сохранение, питание, плодородие [24, с. 316], а сюжет о сотворении человека из глины является одним из наиболее широко распространенных мифологических мотивов [25, с. 401].

Возвращаясь к связанным с глиной морфологическим характеристикам и атрибутам домового, отметим, что у лакского домового *Сухасулу* на ногах вместо обуви были черепки глиняной посуды [26, с. 354].

Указанные обстоятельства наводят на мысль о том, что, во-первых, образ домового зародился еще в эпоху до распада пранакско-дагестанского этноязыкового единства, в эпоху средней бронзы [27, с. 20], а, во-вторых, что этот образ вобрал в себя функции и характеристики патрона гончарства.

Если образ патрона гончарства угадывается по морфологии и атрибутам домового, то божество-покровитель ткачества у народов Дагестана представлено как в непосредственной ипостаси, так и в косвенных характеристиках ряда демонических персонажей.

По данным М.Р. Халидовой, у рутульцев покровительницы ковроткачества известны как «*Тушед рышбел*». Рассказывают, что «*Тушед рышбел*» будто бы жили в стене дома Мазукаевых, который находился в центре с. Рутул. На ночь люди приносили в этот дом пряжу, а утром забирали сотканые «*Тушед рышбел*» ковры и паласы [20, с. 112].

У аварцев-салатавцев с. Зубутли покровительницей ковроткачества была «*Тамирхъояс*». Говорят, что в прошлом зубутлинцы находили утром дома вычесанную «*Тамирхъояс*» шерсть, вытканые ею ковры, выделанные бурки. В соответствии с их верованиями, «*Тамирхъояс*» управляет процессом изготовления войлочного паласа. В сказочной интерпретации образ «*Тамирхъояс*» выступает во множественном числе в качестве добрых духов [20, с. 113].

У аварцев-каратинцев некоторые функции патрона ткачества воплощены в образе домового *Рисидобо*. Он представлялся в женском облике. Говорили, что, если человек, которого часто посещал домовый, загадает желание и напишет его на листке бумаги, то *Рисидобо* будто бы на следующий день приходила исполнять загаданное. Обычно желали ее помощи в домашних и хозяйственных делах, и она якобы выполняла эти рабо-

ты, пока загадавший спал. Как рассказывает 105-летняя Ярмиханова Маймунат из с. Карата, ее бабушка Джарадат, проснувшись однажды ночью, увидела, как *Рисидобо* тклет ее незавершенный ковер. Джарадат будто бы сказала *Рисидобо*: «Теперь ты уходи, а твое мастерство, чтобы ко мне перешло». После этого случая Джарадат стала ткать ковры лучше и быстрее [28, с. 57]. Аналогичный персонаж в русском фольклоре назывался *Шишимора*. В быличках о ней рассказывают следующее: «Когда прялку оставишь, она и прядет. Напрядет и запутает все. А ночью *Шишимора* звенит. Говорят: вставай да бей штанами мужскими, она и уйдет» [29, с. 176]. Сведения о жене домового *Кикиморе* приводит и Э.В. Померанцева. По ее данным, *Кикимора* выходит ночью, одевается в обыкновенный женский наряд, у нее распущенные волосы, любимое занятие – прясть [30, с. 112].

У табасаранцев образ патрона ткачества угадывается в атрибутах демона-антагониста рожениц *Ярсель*. В соответствии с их верованиями *Ярсель* приходил к роженице после появления ребенка (антиномия `роды` / `бесплодие`), когда она оставалась в помещении одна (`нечет` / `чет`), демон являлся ей во сне (`сон` / `явь`) в облике близкой родственницы (противопоставления `женщина` / `мужчина`, `свой` / `чужой`), одетой в темное (`тьма` / `свет`) и старался набросить ей на шею моток черных (`черный` / `белый`) шерстяных нитей. Если демону удавалось это, женщина умирала, если нет – оставалась жива. Имя демона до сих пор сохранилось в бранных выражениях: *Ярселик кахъривун! Ярсели йивривуз!* («Чтобы ты попал под Ярсель! Чтобы тебя ударил Ярсель!»). Возможно, что диапазон функций этого мифологического персонажа в прошлом был гораздо шире. Он мог покровительствовать ткачеству, о чем свидетельствует моток черной пряжи. Однако в данном контексте нити скорее выступают как пути смерти, чем как «мифопоэтический символ долгой жизни» [31, с. 343–344].

Если у табасаранцев атрибутом демона-антагониста рожениц был моток пряжи, то атрибутом демона-антагониста «*Гамалаклар*» у андалальцев селения Шуланиб был кожаный мешок, наполненный шерстью. «*Гамалаклар*» приходил в семьи, где были маленькие девочки, и требовал клубок ниток или дочку как подаяние. (Клубок ниток на аварском языке обозначается словом «*Гамал*», вероятно, отсюда и произошло имя этого персонажа). Говорят, что у тех, кто не имел ниток, «*Гамалаклар*» забирал детей [20, с. 114]. С шерстью, прядением и овцами была связана и типично «женская» хеттско-лувийская богиня *Камрусена* [32, с. 118].

Наряду с шерстью и пряжей атрибутами божества ткачества у народов Дагестана были также веретено и пряслице. «Древнейшее веретено представляло собой простую палочку, которую со временем стали уравнивать с помощью глиняных и много реже – каменных пряслиц. Пряслице почти повсеместно сопутствуют неолитической культуре» [31, с. 242]. «Пряслице, веретено, прялка являлись женскими предметами, символизировали женскую сферу деятельности. В традиционном сознании экстраутилитарные свойства прялки определялись тем, что она заключала в себе плодоносящие женские силы природы, служила знаком богатства, плодородия, жизненной силы» [33, с. 191], – указывает Н.И. Шутова. Следует отметить, что прялка и веретено были атрибутами *Великой Матери* [34, с. 178–180], а также лунных божеств и ткачих судьбы. Это отмечает и исследователь символизма Дж. Купер. Он писал: «Все богини судьбы – прядильщицы и ткачихи. Вращение веретена символизирует движение вселенной, прядение и ткачество – женское начало в ведении человеческой судьбы» [24, с. 34, 260]. В греческой мифологии одна из мойр – *Клота* владела веретеном, на котором она скручивала все события и поступки человека в единую нить, нить жизни [35, с. 15].

Указанные предметы были атрибутами домового у некоторых субэтнотропов даргинцев. Так, даргинцы-мегебцы воспринимали домового «*Хварку-шайтанла*» в облике во-

лосатого мужчины в оборванной одежде с ожерельем из деревянных бус-пряслиц на шее [36, с. 120]. В соответствии с верованиями даргинцев-цудахарцев домовой «*Чебилхьхан*» носил на шее ожерелье из крупных деревянных бус-пряслиц, вроде тех, которые применяют женщины при прядении на веретене «буртрук». Существовало поверье, что домовой крадет эти пряслица у ткачих и изготавливает из них себе ожерелье. Если у цудахарки пропадало такое пряслице, она строила догадки: «Наверное, шайтан украл» [37, л. 177]. Схожая примета бытовала у лезгин. Если лезгинка во время работы теряла иголку, она шутливо говорила: «Джин, джин, отдай старую иголку, дам тебе новую» [38, с. 174].

Божества-покровители ткачества имелись в религиозных системах и других народов Кавказа. Так, например, у абхазов богом ткацкого ремесла был *Ерыш* [39, с. 61–62].

Таким образом, мифы и былички народов Дагестана донесли до нас образы первых кузнецов и богов-патронов кузнечного дела, гончарства и ткачества, имеющие аналогии у других народов Кавказа и мира. Первоначально боги-патроны гончарства и ткачества, видимо, восходили к многоаспектному и амбивалентному образу *Великой Богини-матери*. С течением времени, в связи с переоценкой роли божеств и переходом ряда из них в разряд демонов, а также под влиянием монотеистических религий произошло забвение или исламизация некоторых божеств (кузнечества) или же их образы (патроны гончарства и ткачества) были поглощены демоническими (домовые, демоны-антагонисты рожениц и детей) персонажами.

Литература

1. История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины / отв. ред. Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1986.
2. Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: Промеотская группа памятников. – М.: Наука, 2007.
3. Лосев А.Ф. Гефест // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. – 2-е изд. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 1.
4. Джанашвили М. Абхазия и абхазцы. – Тифлис, 1892.
5. Шиллинг Е. Абхазы // Религиозные верования народов СССР: в 2 т. – М.–Л., 1931. – Т. 2.
6. Абхазы / отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. – М.: Наука, 2007.
7. Пиотровский М.Б. Дауд // Мифы народов мира. – М., 1994. – Т. 1.
8. Басилов В.Н. Культ святых в исламе. – М.: Наука, 1970.
9. Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзехи (Историко-этнографический очерк) // Записки КОИРГО. – Тифлис, 1902. – Кн. 22.
10. Дадов А.А. К вопросу религиозных верований кабардинцев // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. – Нальчик, 1957. – Т. 12.
11. Шенкао Г.Х. Элементы предфилософии в эпосе // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности) / сост. и науч. ред. Р.А. Ханаху. – Майкоп, 2002.
12. Джанашвили М. Абхазия и абхазцы. – Тифлис, 1892.
13. Званба С.Т. Этнографические этюды / под ред. и с предисл. Г.А. Дзидзария. – Сухуми, 1955.
14. Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии: Материалы и исследования. – Сухуми, 1969.
15. Абхазы / отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. – М.: Наука, 2007.
16. Сланов А.А. Традиционная духовная культура осетин: учебное пособие. – Владикавказ, 2007.

17. *Чурсин Г.Ф.* Народные обычаи верования Кахетии // ИКОРГО. – Тифлис, 1905. – Вып. 25.
18. История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. / отв. ред. А.И. Османов. – М.: Наука, 2004. – Т. 1.
19. *Сефербеков Р.И.* Традиционные религиозные представления табасаранцев (боги и демоны; верования, связанные с животными). – Махачкала, 2000.
20. *Халидова М.Р.* Мифологические образы в устной прозе народов Дагестана // Мифология народов Дагестана. – Махачкала, 1984.
21. *Сефербеков Р.И., Шигабудинов Д.М.* Мифологические персонажи традиционных верований аварцев-хунзахцев. – Махачкала, 2006.
22. *Сефербеков Р.И.* Мифологические персонажи традиционных верований ахвахцев // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала. – 2008. – № 4.
23. *Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии: Опыт реконструкции мировосприятия. – М.: Наука, 1984.
24. *Купер Дж.* Энциклопедия символов. – М., 1995.
25. *Топоров В.Н.* Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы: в 2 т. – М., 2010. – Т. 2.
26. *Булатова А.Г.* Лакцы: Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX в.). – Махачкала, 2000.
27. *Гаджиев М.Г.* О демографических и этногенетических процессах в Дагестане в первобытную эпоху // Алародии (этногенетические исследования) / отв. ред. М.А. Агларов. – Махачкала, 1995.
28. *Сефербеков Р.И., Сефербеков М.Р.* Мифологические персонажи традиционных верований аварцев-каратинцев // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов н/Д. – 2009. – № 5.
29. Русский фольклор: хрестоматия для высших учебных заведений / сост. Т.В. Зуева, Б.П. Кирдан. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2002.
30. *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1975.
31. *Топоров В.Н.* Пряжа // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. – 2-е изд. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 2.
32. *Топоров В.Н.* Хеттско-лувийская Камрусеп: мифологический образ // Древняя Анатолия. – М.: Наука, 1985.
33. *Шутова Н.И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. – Ижевск, 2001.
34. *Рабинович Е.Г.* Богиня-мать // Мифы народов мира. – М., – Т. 1.
35. *Гусманов И.Г.* Греческая мифология. Боги: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2002.
36. *Сефербеков Р.И., Чабталова Р.* К характеристике некоторых мифологических персонажей даргинцев-мегебцев // Научное обозрение. Сб. статей Ассоциации молодых ученых Дагестана. – Махачкала, 2004. – Вып. 7.
37. *Омаров Ш.И.* Быт и духовная культура даргинцев-цудахарцев в XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. н. – Махачкала, 2008.
38. *Ризаханова М.Ш.* Духовная культура лезгин. 20-е гг. XX в. – начало XXI в.: современные этнокультурные процессы. – Махачкала, 2009.
39. *Джанашиа Н.С.* Статьи по этнографии Абхазии. – Сухуми: Абгосиздат, 1960.

Поступила в редакцию 30 октября 2012 г.